

Маркова Е. В., Войновская К. К. **Константин Генрихович Войновский-Кригер (1894-1979)**. М.: Наука, 2001. 144 с.

Сталкиваясь с чем-то совершенно новым, испытываешь кроме интереса еще и некоторый дискомфорт. К новому надо привыкнуть. Данная рукопись в нашей отечественной биографической литературе, безусловно, явление новое. Большая часть ее посвящена жизни и деятельности ученого в условиях неволи. Интерес к «той жизни» К. Г. Войновского-Кригера, жизни за проволокой, естественен. Этот ученый мирового уровня, создатель геологической школы, сделал свои основные открытия в ГУЛАГе. Дискомфорт, напротив, «противоестественен» и вызван тем, что мы приучены к замалчиванию многих страниц нашей отечественной истории. И когда перед глазами предстает другая жизнь, инстинктивно прячемся за привычные стереотипы. Но авторы их разрушают, и перед нами проходит история гугаговской геологической науки на огромной территории Северо-Восточной Европы в 1920-1950-е гг.

Книга хорошо структурирована. Разделение текста на главы отражает этапы жизни и деятельности Войновского-Кригера. Авторы удачно сочетают в своем повествовании архив-

ные документы, воспоминания самого Войновского-Кригера и историко-научные работы, вышедшие за последние годы. Широко использованы семейный архив ученого, его письма и воспоминания, что дало возможность проследить историю семьи ученого. Большой подмогой в этом плане стала для авторов недавно опубликованная книга воспоминаний дяди ученого, видного государственного деятеля царской России [1]. К сожалению, сам Константин Генрихович в своих воспоминаниях совершенно не касается деталей лагерной жизни. Вся его проза посвящена только научно-практической работе в области геологии. Политический контекст советской жизни Заполярья и условия существования гулаговской геологии авторам пришлось восстанавливать по другим литературным источникам.

Знакомство с генеалогией семьи Войновских-Кригеров дает понимание того, что такое «хорошие гены» и «хорошая наследственность». Умные, деятельные, честные — все представители этой фамилии служили отечеству, своему народу и, как правило, получали по заслугам за свое служение. Исключение составил Константин Генрихович, репрессированный в самом конце 1920-х гг. Судимость с него была снята только в 1954 г. Но и он, хотя и с большим опозданием, получил официальное признание со стороны государства как высокочеловеческий специалист, много сделавший на благо своей страны. Неофициальное признание среди коллег, учеников и сподвижников у него было всегда.

Обращает на себя внимание факт беззаветного служения своему отечеству, своей малой родине. Это объединяет Войновского-Кригера со многими российскими юношами начала XX в., стремившимися получить образование и быть полезными не только стране, но и родному краю, где они родились и выросли. Так, будущий химик, академик АН СССР, тоже побывавший в сталинских лагерях, А. А. Баландин 18-летним юношей писал: «Моя родина — Сибирь. Для родины должен я прежде всего работать. В Сибири

мало интеллигентных сил — следовательно, надо учиться, в Сибири много природных богатств — следовательно, надо ими научиться пользоваться. Для их отыскания, для их добычи, для их переработки главным образом нужны химические знания. Вот для чего, для того, чтобы быть полезным горячо любимой Сибири, я хочу заниматься химией» [2, с. 214]. Как много сходства между Баландиным и Войновским-Кригером! Только вместо Сибири будет Дальний Восток, а вместо химии — геология. Целое поколение молодых людей было нацелено на беззаветное служение Родине. Увы, многим из них пришлось закончить свою жизнь в лагерях и тюрьмах или эмигрировать и работать уже на чужбине. Можно сказать, что судьбы Баландина и Войновского-Кригера сложились еще не так трагично как у многих их современников. Они были востребованы как профессионалы, их личная жизнь была счастливой.

Свою малую родину, Дальний Восток, Константин Генрихович мечтал увидеть все долгие заполярные годы, но осуществил свою мечту только в конце жизни, специально приехав навестить дорогие сердцу места. Любимой палеонтологии, которой он хотел заниматься всю жизнь, он смог уделить время только уже будучи на пенсии. Это, пожалуй, самые трогательные места книги, где описывается как человек, лишенный возможности жить там, где он хотел, и заниматься работой о которой мечтал, все же после долгих лет возвращается и к тому, и к другому. Пускай хоть ненадолго, но прикасается к миру юности, к миру своих первых и сильных переживаний.

Я бы только частично согласился с тезисом авторов работы, суть которого в том, что «он (Войновский-Кригер, а можно поставить и обобщающее — геолог. — А. Р.) показал пример высокорезультативной деятельности в совершенно неподходящих для этой деятельности условиях» (с. 10), поскольку трудности его жизни в Заполярье были смягчены рядом обстоятельств. Войновский-Кригер был колони-

зированным, а не заключенным, что делало его жизнь похожей на жизнь многих советских геологов того времени, работавших в экспедициях. Да, ему было тяжелее, чем вольнонаемным геологам, особенно морально. Но зато какое поле для изысканий — вся Печора, весь Полярный Урал! Плохая лабораторная база и отсутствие специальной литературы по специальности, особенно до строительства комбината «Воркутауголь», в какой-то мере компенсировались общением с товарищами по несчастью. А уж общаться и сотрудничать там было с кем — в ближайшее окружение К. Г. входили такие асы геологии, как Н. Н. Тихонович, П. Н. Полевой, И. И. Гинзбург, И. Н. Стрижов, Г. Н. Фридерикс и др.

Рост числа геологов происходил за счет созданных Войновским-Кригером курсов коллекторов, а также людей с незаконченным геологическим образованием, оказавшихся на Севере. Культурный уровень многих оказавшихся не по своей воле «на Воркуте и Ухте» в 1930-1950-е гг. был чрезвычайно высок. Там при желании можно было получить самостоятельное образование почти в любой области науки, техники и искусства, пользуясь консультациями сидевших в те годы специалистов.

И тем не менее даже на таком фоне Константин Генрихович выделялся своими профессиональными и организаторскими способностями, а также человеческими качествами, что делало его центром «мозгового треста» этого северного ГУЛАГа. Все вышесказанное позволяет переоценить мнение авторов о «совершенно неподходящих условиях», в которых работал Войновский-Кригер. Эта оценка, скорее, верна для его более молодых коллег, особенно заключенных.

Авторами отмечена интересная особенность в становлении геологической службы Заполярья. Там исследования образцов углей первыми начали проводить химики, а уже потом была организована петрографическая служба. На воле обычно аналитические работы начинают петрографы, а продолжают химики, которым

требуются большая детализация и введение дополнительных характеристик исследуемых образцов. По-видимому, перестановка в ходе исследований в Заполярье произошла случайно. В лагерях сначала появились химики, а потом петрографы.

Большое место в книге уделено воркутинскому театру и его значению в жизни всего Печорского угольного бассейна. Надо сказать, что театральное искусство после войны было в нашей стране чрезвычайно популярно. Людям хотелось яркой, а главное, духовной жизни. Артисты были кумирами общества. Сразу после войны конкурс в Школу-студию Московского художественного театра был около 500 человек на место. Такого конкурса тогда не было ни в какой другой вуз страны. Артисты, режиссеры и музыканты в Заполярье были как профессионалами, так и любителями, ставшими профессионалами уже в заключении. Та же картина что и в науке. В этих краях наука и искусство начинались не со студенческой скамьи, а сразу с производства. Однако наука, театр и человеческое общение спасали подневольных людей от безысходности и отчаяния и давали им импульс к жизни.

Для меня в книге о Войновском-Кригере наибольший интерес представляет фон, на котором разворачивалась судьба героя, история освоения Севера и развитие системы ГУЛАГа. И это не потому, что авторы вяло изобразили героя, а потому, что они ярко изобразили фон, историческое событийное полотно. Рукопись написана добротной, со знанием биографического материала о Войновском-Кригере, а его научная и личная жизнь органично вписана в контекст лагерной действительности. Текст производит сильное впечатление своей эмоциональностью, пафосом обличения сталинского режима и гимна творческому духу людей — покорителей вечной мерзлоты. Особенно большое впечатление производят страницы, на которых описывается восстание заключенных, хотя они были бы более уместны в произведении иного литературного жанра, так как главный герой и его

окружение к восстанию имели лишь косвенное отношение.

Это профессионально написанная работа, которую, я уверен, оценят все поклонники научно-биографической литературы, и, возможно, благодаря данной книге у серии появятся новые читатели и почитатели.

Литература

1. Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера — «Русский путь». М., 1999.
2. Алексей Александрович Баландин / Отв. ред. В. М. Грязнов. М., 1995.

А. Н. Родный